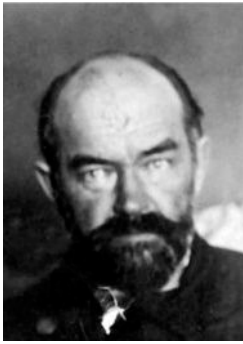

ОБ АРТОБОЛЕВСКОМ — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АРТОБОЛЕВСКИЙ Александр Иванович, родился 24 августа 1873 в селе Шадринское Барнаульского округа Томской губ. Окончил Томскую Духовную семинарию по 2 разряду, в декабре 1895 — рукоположен в сан священника. С 1895 — служил в селе Ущерба Томского округа, с 1897 по 1899 — проживал в Томске, служил в Никольской церкви, с 1901 — в церкви больницы общественного призрения, с 1908 по 1920 — в Николаевской церкви при Богоугодных заведениях. В 1930 — служил в с. Ущерб, затем ушел за штат, переехал с семьей в Томск, не работал. 20 февраля 1930 — арестован по обвинению «в контрреволюционной деятельности». Приведем выдержки из доноса И. Д. Псарева: «Говорил, что советская власть всех мужиков разорила, зажала и беспощадно гонит на лесозаготовки, где денег не дают и уродуют последнюю лошаденку... Духовенству в деревне совсем жить нельзя..., их арестовывают и тоже гонят на лесозаготовки»¹. 9 марта 1930 — священник Евгений Удинцев показал на допросе: «Монархист, часто приезжавший в город из села, в котором служил, рассказывал о нечеловеческих страданиях крестьян на лесозаготовках: нет места закрытого для ночлега — спят в мороз на снегу. Кормят отвратительно (ответственные работники — коммунисты провиант и фураж воруют), нет медицинской помощи. Горькое и безвыходное положение крестьян не поддается описанию»². Священник Нестеровский показал: «Артоболевский рассказывал, что в деревне сейчас идет сплошной вой крестьян, которые не хотят идти в колхозы, их насильно туда загоняют, многих из них арестовывают, сажают в тюрьмы и расстреливают, наехало в деревни много коммунистов-подлодочников, хлеб отбирают, крестьяне голодуют, религиозных людей преследуют, церкви закрывают, возмущение против советской власти растет и крестьяне готовы поднять восстание»³. В мае 1930 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена В. Артоболевская.

<16 мая 1930>

«16/V-30 г<ода>».

Глубокоуважаемая
Екатерина Павловна!

Простите за причиненное Вам мною беспокойство. Но я нахожусь в безвыходном и слишком для меня тяжелом положении, что заставляет меня обратиться к Вам с просьбой помочь мне, если это действительно можно сделать Вам. Я жена православного священника села Ущерба Томского района Томского же округа. Муж священником служил с 1895 г<ода>, ему уже 58 лет. В феврале месяце сего г<ода> он вышел за штат, и мы временно проживали в г<ороде> Томске. 2-го марта он был ОГПУ арестован и заключен под стражу, а 10-го апреля сего года по объявлению Томского изолятора муж оказался выслан на Соловецкий остров на 10 лет. Причина его ареста и высылки являлось как бы агитация против коллективизации, в то время когда он служил в деревне. Между тем он никогда ничего подобного не говорил, а наоборот убеждал крестьян, что Советская власть ничего, кроме хорошего, не делает и коллектив<изация>

¹ Архив УФСБ по Томской области. Д. П-8805. С. 119 оборот.

² Архив УФСБ по Томской области. Д. П-8805. С. 179.

³ Архив УФСБ по Томской области. Д. П-8805. С. 135 оборот.

страшна только на 1-й взгляд. Но мало того, что сослали его, и мне ОГПУ объявило высылку на постоянное жительство в Нарымский край Каргосоцкого района, не предъявляя ко мне никакого обвинения.

Вот это уже оказалось выше сил моих, это наказание для меня совершенно непосильно. Мне уже 58 лет, я часто болею, больны почки, сердце, в отношении болезни имею справку из лечебницы рентгеновских лучей. Я с трудом обхожусь без посторонней помощи, и вот в таком положении меня высылают. Я всю свою жизнь занималась только хозяйством и воспитанием детей, последние годы за продукты шила и вязала крестьянам. В молодости только ради детей жила, а теперь все на службе, чтобы не мешать им работать, я самоотреклась и порвала с ними связь. И одна из моих дочерей замужем за партейцем и сама партейная с 1917 года. Когда в 1917 муж ее сидел в тюрьме как большевик, то в это время жена его с ребенком жила у нас. Не только мы ее содержали, но и его снабжали продуктами, я сама носила ему передачу.

Освободили зятя только после Октябрьской революции. С того времени они с нами порвали всякую связь. Да мы не стремились восстановить ее. И этот случай еще раз доказывает, что во время колчаковщины мы имеем полную возможность доказать или не признать, как коммуниста, но мы между тем отнеслись только с хорошей стороны. У меня сейчас ужасное тяжелое состояние. Завтра я должна выехать в Нарым. Если можете, помогите, Екатерина Павловна. Дайте мне возможность умереть не под тяжелым гнетом, а вернуться на родину свободной гражданкой. И если можно, так и мужу моему. Остаюсь с уважением к Вам и надеждой на Вас. Валентина Артоболевская.

Имя мужа Александр Иванович Артоболевский»⁴.

На письме — две пометы, первая — секретаря Помполита, вторая — рукой Е. П. Пешковой: «2682 27/V-30». «Отв<етить>, чтоб прислала заявл<ение>, адрес<ованное> в ОГПУ. ЕП. 21/VI».

30 марта 1930 — Александр Иванович Артоболевский был приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян⁵ (по другим данным, расстрелян 10 апреля. Жена выслана в Нарымский край.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 528. С. 157-157а. Автограф.

⁵ Архив УФСБ по Томской области. Д. П-8805;

«Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск, изд. 3-е, Издательство «Звенья», Москва, 2004. Составление НИПЦ «Мемориал», 2004.

Фаст Н.П. Фаст М.В. «Нарымская голгофа».